

Сергей Наумов

Совы вылетают в сумерках

Сергей Наумов

Совы вылетают в сумерках

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160031

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Сергей Наумов

Совы вылетают в сумерках

* * *

Закат погас. На небе выступили редкие колючие звезды. В межгорье стало тихо. Лишь изредка, потревоженная, далеко-далеко кричала сонная птица.

Двое ребят из приграничного закарпатского села поняли, что заблудились. Старший – Иванко – поставил лукошко с ягодами на землю, снял соломенный капелюх, приставил ладонь к уху. Он слушал лес, надеясь уловить скрип телеги на дороге, с которой они свернули в чашу. Дорога была проселочная, но крестьяне ездили по ней часто.

Младший – Василек – сел на пень, пугливо втянув голову в плечи. Со всех сторон ребят обступили смутные шорохи, вздохи, всхлипы. Всего несколько минут назад все вокруг было знакомо и ясно. Теперь же каждая травинка жила загадочной, шуршащей жизнью.

– Нужно идти, Василь, – сказал Иванко, – дорога должна быть слева.

– Пойдем, – покорно согласился Василек и поднялся с пня.

Иванко шел быстро, изредка посвечивая под ноги фона-

риком. Внезапно он споткнулся, больно ударился грудью, озираясь, вскочил и зажег фонарик. Луч заскользил по земле и наткнулся на колышек, рядом с которым валялась сорванная его ногой фанерка. Василек поднял ее и на обороте увидел: "Заминировано".

Иванко направил луч вперед. Перед ним в полумраке вырисовывался силуэт землянки.

– Волчье логово, – прошептал Иванко.

– Землянка, – обрадовался Василек, – здесь и заночевать можно. Только... – он покосился на фанерку, – вдруг мина здесь, шагнешь, а она бабахнет.

– Здесь атаман Гонта прятался, – сказал Иванко, – отец рассказывал, как его банда целые сутки отстреливалась. Тогда и поставили мины, чтобы ни один не ушел.

– Когда это было... – протянул Василек, – два года уже прошло.

– А Гонта все-таки ушел. И с ним еще один эсбист.

– Как же он?

– Отец говорил – ход у него из землянки был подземный. Ладно, ты стой пока, я разведу.

Иванко на цыпочках приблизился к землянке и увидел, что дверь распахнута.

– Иди сюда, – позвал он друга.

Чтобы влезть внутрь, пришлось стать на четвереньки – так низка была дверь.

Внутри не было ничего примечательного. Землянка ока-

залась крытой дерном, без окон. Стены обросли белой губкой, в углу темнело в полу углубление, заваленное листьями. Возле старой бочки лежало несколько ржавых железных лопат.

Неподвижная сырость стояла в помещении.

– Наган бы найти, – мечтательно произнес Василек, – давай покопаем, может, бандиты чего зарыли здесь.

– Не до того им было, – сказал Иванко, – да и пограничники давно все простукали.

– А может, что осталось... Я покопаю. – Василек взял лопату, ткнул несколько раз в земляной пол.

– Посвети...

Иванко подвесил фонарик на торчащий из стены крюк, выбрался из землянки и присел на поваленную взрывом ель. Он любил слушать лес. Вот, словно маленький ребенок, надрывно запищал сыч, глухим уханьем ему ответила выпь.

На ближней к землянке ели кто-то завозился, прощуршала опавшая хвоя и глухо стукнулась о землю шишка. Высоко над головой по верхушкам деревьев шел тихий гул.

Мальчик хотел было уже влезть в землянку и вдруг заметил, как недалеко маленькой яркой звездочкой вспыхнул огонек. Казалось, что он висит в воздухе прямо над черной колючей грядой леса. Похоже было, что кто-то забрался на макушку самой высокой ели и зажег там фонарь.

– Василек?!

– Чего тебе? – недовольно отозвался мальчуган.

– Иди сюда. Огонь в лесу, – взволнованно сказал Иванко.

– Какой огонь? – сразу выскочил из землянки Василек.

– А вот, смотри, – Иванко обернулся, чтобы показать, где вспыхнул огонек, и опустил руку: маленькая звездочка погасла.

– Не веришь? А если честное пионерское?

Василек недоверчиво посмотрел на друга и ничего не ответил.

– Ладно. Ты иди копай, а я еще посижу, проверю, может быть, мне показалось.

Мальчик не спускал глаз с черной линии леса. Прошло минуты две. И снова там крошечной кометкой сверкнул огонек и погас. Потом вспыхнул вновь и засиял ровным матовым светом.

Иванко встал с поваленной ели. Огонек притягивал к себе как магнит. Любопытство победило осторожность. "Посмотрю и вернусь, здесь близко", – решил он и пошел на огонек неизвестно откуда взявшегося лесного маяка.

Он думал о том, что утром, когда они с Васильком выберутся из леса, обо всем увиденном ночью нужно рассказать отцу.

Между тем Василек с трудом оттащил в сторону бочку и налег на лопату. К его удивлению, лопата легко ушла вниз. Земля под бочкой оказалась мягкой и рыхлой.

Прокопав в глубину примерно метр, Василек стал разгребать землю руками. Вскоре его пальцы наткнулись на угол

небольшого ящика. Мальчик оторвал одну дощечку.

В ящике плотными штабелями лежали бруски, похожие на хозяйственное мыло. Василек отпрянул. Он знал, что таким бывает тол.

– Иванко! – позвал он и вылез наружу. Тоненький лучик фонарика выхватил из темноты поваленную ель.

– Иванко-о! – снова окликнул друга Василек и вдруг увидел зловеще мерцающий огонек. И тотчас поднявшийся легкий ветерок донес из глубины леса тяжелые шаги и глухой собачий рык.

* * *

Василек бежал. Длинные сухие ветки хватали его за рубашку, целились в глаза. Василек бежал, потому что в движении лес был не так страшен. Давно исчезла из-под ног спасительная тропинка. Оглушенному бешеными толчками сердца, ему казалось, что стволы деревьев с далекими черными кронами уплывают куда-то к звездам, переворачиваясь в воздухе. Птицы с легким шумом снимались с насиженных мест, шарахались в темноту.

Шатаясь от усталости, Василек выбежал на узкую, ранее неизвестную ему просеку и замер. Ему показалось, что в самом конце просеки опять мелькнул огонек.

"Что это? Волк? Избушка?"

Василек впился глазами в темноту. Там опять золотистой

искоркой сверкнул огонек. Он притягивал к себе и в то же время настораживал.

Когда Василек увидел маленький, аккуратный домик, за-
прятанный в буковой рощице, он вспомнил рассказы взрос-
лых о нелюдимом леснике, живущем бобылем в самой ча-
щобе.

В ставню сквозь щель бил желтоватый свет. "Постучу", –
решил Василек, но что-то удерживало его.

Мальчик провел рукой по гладкой поверхности двери и
закрыл глаза. Столько испытаний выпало сегодня на до-
лю его маленького неопытного сердца, столько страхов при-
шлось ему пережить, что сейчас у теплой, накаленной за
день солнцем двери он уткнулся лицом в рукав и заплакал
по-детски взахлеб. Василек негромко постучал.

– Кто там? – послышался из-за двери хрипловатый грубый
голос.

– Это я, Василек, – растерявшись, ответил мальчик и то-
ропливо, словно боясь, что ему не откроют, заговорил: – За-
блудился я, дяденька, пионер я.

Дверь открылась, и Василька с ног до головы облил яркий
свет десятилинейной лампы. Василек зажмурился.

– Эге, да ты – малыш. Ну, проходи в хату, гостем будешь, –
прогудел над самой головой бас.

Василек смело шагнул за порог и облегченно вздохнул,
таким знакомым уютom и теплом повеяло на него от крохот-
ной, скромно обставленной комнатки лесничего.

– Смотрите, люди добрые, бесстрашный какой человек, – опять загудел лесничий и подтолкнул Василька к столу: – Садись-ка да рассказывай, что ты в лесу ночью делал. Страшно небось?

– Страшно, дядя...

– Степан Лукич, – подсказал лесничий.

– Дядя Степан Лукич, – повторил Василек.

– А коль страшно, зачем бродишь?

– Мы с Иванкой... только он, когда огонь появился, пропал. Пошел, наверное, посмотреть и заблудился.

– Постой, так вас, значит, двое? Куда же дружок-то девался? Ты толком расскажи, не торопись.

– Я толком. Когда Иванко споткнулся, смотрим: на земле фанерка, а на ней написано: "Заминировано". Потом Иванко огонь увидел, я думал сначала – ему причудилось, а когда тол откопал, вылез... а огонь и вправду светит. Потом собака зарычала... и шаги.

Лесничий привстал на месте и схватил мальчика за плечо.

– Что ты мелешь? Какой тол, какой огонь?

Лицо лесничего стало напряженным, веко левого глаза часто запрыгало.

– Дядя, – робко позвал Василек.

Степан Лукич потер двумя пальцами висок, прищурился и негромко сказал:

– Тол, говоришь? Нужно ехать. Не спугнуть бы...

Он с минуту смотрел в ствол снятой со стены берданки,

думая о чем-то своем, потом щелкнул затвором и сказал:
– Слушай боевое задание. Я сейчас оседлаю Каштана, и мы поскачем в город. Дело серьезное, парень. Там все и расскажешь. Пошли...

Звонко, словно по стеклу, процокали копыта, и опять стал слышен шум ветра.

* * *

Иванко ошибся, думая, что огонек горит близко. Мальчик поднялся по склону горы, перешел два ручья – огонек мерцал все так же далеко.

Иванко уже пожалел, что ушел от землянки. И вдруг совсем рядом он услышал приглушенные шаги.

Мальчик свалился лицом в траву. Кто-то шел прямо на него. Иванко отполз за широкоствольный бук и стал наблюдать. Среди деревьев показался неясный силуэт человека. С ним рядом шла собака.

Собака потянулась в сторону Иванки и глухо заворчала.

– Тихо, Волк, – сказал человек и носком сапога легонько ударил собаку в бок.

Иванке стало жутко. Что-то небывалое и странное творилось с ним. Страх пригибал его к земле, но уже не сковывал ноги, не вселял растерянность, наоборот, он был не в силах побороть желание ползти за этим человеком.

И Иванко полз. Он старался ползти как можно скорее,

чтобы не потерять силуэт незнакомца из виду, но Иванко боялся собаки, и это сдерживало его.

Лес шумел. Легкий ветерок, налетевший час назад, расшатывал деревья. Иванко обрадовался шуму; он заглушал его движения, а ветер, дувший в лицо, обезоруживал собаку.

Незнакомец шел уверенно и быстро. Вот неглубокий распадок и замшелый валун, который Иванко только что огибал. А вот и землянка.

Иванко замер. Первой мыслью было – свистнуть и этим предупредить Василька. Мальчик уже поднес к губам два пальца, но в последнюю минуту раздумал: все равно поздно, да и куда уйдешь от собаки.

Мальчик притаился за деревом. У самой землянки собака вырвалась вперед и заметалась вокруг ели, на которой час назад сидел Иванко.

Незнакомец позвал собаку и исчез в землянке. О том, что он там, Иванко догадался по тусклому свету, пролившемуся сквозь щели в дверце.

Преодолевая страх, мальчик подполз к землянке и приник к щели.

Землянку освещал поставленный вертикально фонарик. Незнакомец сидел на корточках и рассматривал вскопаный пол. Собака сидела у закрытой двери. Василька не было. Иванко облегченно вздохнул. Значит, Василек ушел отсюда раньше. Нужно уходить и ему, Иванке. Или лучше дождаться утра – ночью все равно заблудишься – и поискать дорогу.

Внезапно незнакомец встал, подошел к рюкзаку, быстро достал из него небольшой чемоданчик, раскрыл его. Чемоданчик засветился изнутри матовым светом.

Незнакомец надел наушники и застучал ключом передатчика.

Иванко отполз в сторону и нырнул в чашу.

* * *

Майор Хайдаров оторвался от карты.

– Сколько километров вы прошли от села по дороге, можешь сказать? – спросил он у Василька, сидящего на стуле в углу комнаты.

Василек растерянно покачал головой.

– Там – землянка, – наконец пробормотал он.

– Землянок после войны в лесу много, – сказал майор.

Сержант Федор Прончихин смотрел на Василька и видел, как тому хочется спать.

– Старую мельницу проходили? – спросил майор.

Василек кивнул.

– Мост тоже проходили?

Василек снова кивнул.

– Обелиск со звездой, памятник над братской могилой у вас справа или слева остался, когда сворачивали в лес? – спросил Хайдаров и распорядился: – Принесите мальчику чаю покрепче и поесть.

Василек вспомнил, что от памятника они свернули влево в распадок, и сказал об этом майору. Хайдаров сделал пометку на карте и обратился к высокому хмурому лейтенанту, молча сидевшему в углу комнаты.

– Что думаешь обо всем этом, Крайков?

– Думаю, он. Гонта, товарищ майор, вернулся. Сигнальный огонь для своих. Помните – "совы вылетают в сумерках". Видимо, остались еще в горах бункера Куда вот только слетятся эти совы?

– Зачем, по-вашему, ему понадобилась собака? – спросил майор.

– Собака гарантирует Гонте безопасность, ночью в лесу она – его глаза и уши.

– И связной, – добавил Хайдаров, – вероятней всего, она хорошо обучена и знает кого-то из "сов". Так, Федор? – обратился майор к сержанту.

– Бывало такое, товарищ майор... – откликнулся Прончихин. – Собаку обучить всему можно.

– Иванко сказал, что эта землянка – "волчье логово", – вспомнил Василек, услышав фамилию Гонта.

Лейтенант и Хайдаров переглянулись.

– Иванко так сказал... Там еще фанерка была и на ней надпись: "Заминировано".

– "Волчье логово", товарищ майор, – сказал Прончихин, – нужно торопиться.

– Враг задумал диверсию. Это ясно. Ребята случайно об-

наружили тол и смешали Гонте все планы. Надо полагать, он обнаружил, что раскрыт и спешно радировал об этом за границу. Меня беспокоит судьба мальчика. Он мог попасть в лапы к Гонте. На вас, лейтенант Крайков, возлагается особое задание: если засада у землянки сорвется, прочешете седьмой и восьмой квадраты. Возьмите Прончихина и двух проводников с собаками. Связь по радио – через каждые полчаса.

Майор прошел к окну мимо вставшего Крайкова и распахнул форточку. Ночной ветер ворвался в комнату, качнул сизое облако папиросного дыма над столом, тронул края штор, едва слышно прошуршал картой.

– Вашей четверке придется действовать осмотрительно, а главное – самостоятельно, – снова заговорил Хайдаров. – Помните – собака у Гонта для связи. Не трогать ее ни в коем случае. Она может привести к бункеру. Гонта вынужден будет предупредить своих о провале операции. На этот случай он и взял собаку. И последнее. Бандит будет уходить тем же путем, что и пришел, скорей всего заболоченным участком границы. Он – местный и, видимо, знает о болотах то, чего не знаем пока мы. Все. Желаю успеха.

* * *

Машина резко сбавила скорость, ее потрянуло, и это вывело из задумчивости лейтенанта Крайкова.

Он знал, что его группа – только звено в большой цепи, опоясавшей район "волчьего логова". В радиусе пятидесяти километров уже шли дополнительные дозоры, ложились в густые заросли секреты. В это невидимое кольцо, которое замыкалось у самой границы, попали и непроходимая чаща, и непролазное болото, и целый десяток глухих распадков. Весь отряд поднят на ноги.

Лейтенант мысленно прошел по карте. Он знал ее наизусть. Еще раз проверил линию своего маршрута и взглянул на часы. Полчаса четвертого. Через пятнадцать минут высадка.

Крайков тронул шофера за плечо: давай быстрее. Но как ни старался шофер развить скорость – ничего не получалось. Машина с трудом пробиралась по свежевыврубленной просеке.

Крайков нахмурился и посмотрел на Прончихина. Тот молча курил. Светлячок его сигарки то съеживался в темноте, то разбухал, и тогда было видно круглое обветренное лицо, покрытое сетью мелких морщинок.

Прончихин прошел всю войну разведчиком, имел не одну награду, отличался молчаливым, замкнутым характером. Семьи у него не было: погибла на Псковщине в оккупации. Из родных остался дядя – дальневосточный рыбак.

Прончихина ценили в отряде как следопыта и чрезвычайно сметливого бойца. Ему поручали обучение молодых пограничников, и не было на заставах Закарпатья солдат, ко-

торые бы не прошли школу Прончихина.

До рассвета оставались считанные минуты. Легкий пар начинал струиться от земли, на плащах появился влажный налет: падала роса. Стали видны очертания деревьев по сторонам, а через минуту уже можно было различить разлапистые ветви елей.

К заданному квадрату подъехали, когда совсем рассвело. Через минуту проворный "газик" скрылся из виду, а пограничники двинулись к землянке.

Шли, не разговаривая, часто останавливались, прислушивались.

Вокруг все было тихо.

Через полчаса показалась землянка. Прончихин бросился к лазу.

– Ушел, – сказал он, высунувшись наружу.

– Следы, товарищ лейтенант, совсем свежие, – негромко доложил один из проводников по фамилии Гольцев.

Прончихин и Крайков склонились над тропой. Отпечатки сапог ясно выделялись на влажной земле. Их было много и вели они в разные стороны, но, приглядевшись внимательно, Прончихин заметил несколько широких вмятин в стороне от тропы. Осматривая ее, он обошел вокруг землянки и, присев на корточки, долго смотрел на просыхающие углубления от следов. Лицо его постепенно мрачнело.

– Гонта уже побывал здесь, – глухо сказал он подошедшему Крайкову, – мальчонка вертелся тут же, видите, вот здесь

углубления меньше – это он стоял у щели. А здесь бандит ставил своего пса на след мальчугана... Торопиться нужно, товарищ лейтенант.

Крайков подозвал инструктора службы собак.

– Шикунов, ставьте Альту на след.

Но собака вела себя странно. Она принюхивалась к траве, сердито фыркала и, наконец тихонько взвизгнув, остановилась в нерешительности.

– Не возьмет, – тихо сказал Шикунов, – нарушитель обработал след порошком, товарищ лейтенант.

И Барс не возьмет...

– Вижу, – Крайков нервно закурил, – осмотрите все деревья вокруг землянки. Прончихин, поведете по видимому следу.

Сержант не спускал глаз с тропы, на которой были обнаружены отпечатки сапог. Он ползал на коленях взад и вперед, рассматривая каждый сантиметр почвы.

Так группа шла за Прончихиным до первого распадка, где ребята поняли, что заблудились. В распадке Альта взяла след.

Лес шумел. Ровный гул перекатывался по нему из края в край.

Тропа неприметна. Она то вплотную подбегала к ручью, текущему по дну распадка, то уводила куда-то в сторону, упираясь в огромные, поваленные ветром стволы, петляла, обходя сухостой, и вдруг ныряла в низину.

Утро уже давно наступило, но туман, скопившийся в низине, окутывает все вокруг молочной завесой, и кажется, что еще только начало рассвета.

Шикунов с Альтой, а за ним и вся группа шагают уверенно. Поднявшееся над лесом солнце все жарче греет и без того разгоряченные лица пограничников. В белеющей мгле нудно и пронзительно гудят комары.

Лес постепенно наливается зноем. Внезапно на одном из поворотов тропы след пропал. Альта беспокоиво заметалась по сторонам, у небольшого завала она вдруг остановилась, втянув в себя воздух, будто обжегшись чем-то, взвизгнула и прыгнула под поваленную бурей ель.

Шикунов бросился за собакой и увидел на траве детский стоптанный сандалий. Он поднял его и подал Крайкову.

– Попал парень в лапы зверю, – тихо сказал Шикунов.

– Свидетелей Гонта не оставит, по волчьей повадке, – согласился Прончихин.

Сержант прошел по траве вперед и снова склонился над примятой травой.

– Живой, – неожиданно выдохнул он.

– Кто? – не понял Крайков.

– Мальчонка, видите, опять сам пошел. Гонта, видимо, нес его. Тяжеловато пришлось, вот он и погнал мальчика вперед. Только зачем? Ведь он его связывает, мешает идти быстро.

– Тоже не пойму, – отозвался Крайков.

След Гонты нырлял в цепкие кустарники, терялся в болотах, снова появлялся, обходил страшные топи, полз ужом под завалами, затем вновь вводил в болота и колючие кустарники.

День трудного пути по скользким зарослям, по трясине обозначала кривая линия, которую лейтенант Крайков нарисовал на карте.

В середине леса стояла сонная тишина. Где-то вверху, за переплетением крон буков просвечивала голубизна неба.

Был тот час дня, когда солнце медленно начинало скатываться за горизонт, и тени робко ложились на землю. Впереди в зеленоватой дымке испарений блеснуло болото – самый глухой участок границы.

Болото наглухо отгородилось от леса черной густой осокой.

Вырезав длинный шест, Прончихин ступил на первую кочку, которая тотчас ушла из-под ног. Сержант провалился по пояс, но достал дно и двинулся дальше, нащупывая шестом безопасные места. Пограничники гуськом шли за ним.

Несколько раз Прончихин заходил в такую топь, откуда продвинуться вперед было невозможно. Приходилось оги-бать ее и искать другой путь. Крайков смотрел в спину Прончихина и удивлялся его выносливости. Лейтенант чувствовал, что еще километр такого пути – и он упадет в черную жижу, сраженный неимоверной усталостью и дурманящими болотными испарениями.

Шикунов и Гольцев чувствовали себя не лучше – они несли на плечах собак.

Наконец сержант ступил на твердую почву. Выбравшись на берег, пограничники в изнеможении опустились на траву. Все вокруг покрылось голубоватым пеплом сумерек. Деревья притихли, и воздух заметно отяжелел. По черной воде протянулась, трепеща и переливаясь, золотая струя света.

Крайков отдал Шикунову очередной текст радиограммы. Прончихин взял Альту и двинулся вдоль зарослей осоки в надежде обнаружить след. Раскрыв на колене планшетку, лейтенант отмеривал последнее отклонение, чтобы с точностью нанести на карту это мрачное место.

Что творилось в душе у него? Крайков и сам бы, вероятно, не ответил на этот вопрос. Все прошлые впечатления, механически отмеченные памятью, исчезли, уступили место главному, ради чего был проделан столь опасный и долгий маршрут. Он жил поиском и думал только о нем.

Крайков знал, что с каждой его радиограммой все туже стягивается железное кольцо дозоров и секретов. Но враг коварен, он путает след, и кто знает, сумеет ли захлопнуться капкан, прежде чем Гонте удастся ускользнуть за границу.

– Ну, что там? – спросил Крайков у радиста.

– Майор приказывает продолжать преследование.

Шикунов подал текст.

Вернулся сержант с Альтой.

– Как след? – спросил Крайков.

Прончихин объяснил, что след теряется в траве где-то на северо-западе.

– Обнаружен второй след, товарищ лейтенант, – доложил сержант, – нарушитель пустил свою собаку обратно. Вероятно, решил, что он уже в безопасности.

– Стемнеет скоро, – добавил следопыт, – торопиться надо. Да, через час совсем стемнеет – это Крайков видел и сам. И он принял решение: разделить пограничников на две группы. Прончихин с Шикуновым и Альтой – по следу гонтовской собаки. Крайков и Гольцев с Барсом – на северо-запад по следу Гонты.

Хайдаров в ответной радиограмме поддержал решение Крайкова.

...Опытный враг использует все, чтобы не оставить следа и двигаться бесшумно. Вода – лучший его друг, она не оставляет на своей поверхности никаких отпечатков. Черный бархат весенних опалин, где пепел, как пыль, глух, позволяет идти быстро и совершенно бесшумно. И все же Крайков насторожился. Лес был полон звуков, ухо уже привыкло к ним. И вот сквозь эти звуки лейтенанту послышалось нечто постороннее, странное похрипывание. Он сделал предостерегающий жест Гольцеву и лег в траву.

Между деревьев мелькнула фигура человека. Так вот он какой, Гонта.

Лейтенант видел тяжелый подбородок, длинный крючковатый нос, широкие покатые плечи. Гонта шел, сильно со-

гнувшись. На его медвежьей спине неподвижно лежал связанный Иванко.

Крайков подавил острое желание стрелять и пополз вперед.

* * *

С той минуты, когда жесткий и вонючий кусок овчины заткнул ему рот, а руки были туго скручены за спиной, Иванко плохо соображал, что с ним происходит. Он беззвучно плакал до тех пор, пока не иссякли слезы.

Гонта не допрашивал пленника, он молча гнал его впереди себя, а когда мальчик от усталости валился с ног, так же молча взваливал его к себе на спину и нес, перешагивая через поваленные стволы, продираясь сквозь заросли.

И вот уже вечер. В воздухе еще висят прозрачные солнечные нити, но уже трудно различить очертания ветвей дальних деревьев.

Нестерпимо болели кровоточащие босые ноги, от втиснутого в рот кляпа ломило и сводило челюсти. Если бы вытолкнуть кляп, Иванко закричал бы изо всей силы и, может быть, его услышали бы пограничники. Мальчик стал потихоньку жевать противную овчину, глотая горькую слюну.

Легкий шорох, раздавшийся сбоку, заставил Иванко вздрогнуть всем телом и открыть глаза.

– Стой! – услышал Иванко чей-то окрик и вдруг ощутил,

что летит со спины через голову Гонты.

Мальчик очутился впереди нарушителя и успел заметить, как с двух сторон к бандиту шли Крайков и Гольцев с собакой на поводке.

– Назад... – прорычал Гонта, прикрываясь мальчиком, и выбросил руку вперед.

Гольцев выронил пистолет. Прижав раненую руку к бедру, он метнулся за ствол дерева.

– Сдавайся, – угрюмо и спокойно сказал Крайков, не опуская нацеленного автомата.

– Дайте уйти без крови – отпущу щенка, – злобно крикнул Гонта, целясь в лейтенанта.

Иванко страшным усилием вытолкнул изо рта нажеванный кусок овчины и, резко мотнув головой, достал зубами кисть бандита. Вскрикнув от боли, Гонта разжал пальцы и выпустил парабеллум. Но в следующую минуту он сильным ударом оторвал Иванко от руки и упал под откос в траву, где с головой тонул человек.

– Фас! – приказал Гольцев собаке. Барс сразу вырвался вперед, бросился на поднимающегося бандита.

Тот отступил на шаг и вдруг, пригнувшись, сделал быстрый неожиданный выпад вперед. Сверкнуло отточенное лезвие финского ножа. Барс тихонько взвизгнул и затих.

Короткая автоматная очередь, выпущенная Крайковым, не достала Гонту, он скрылся в зарослях, и только треск ломаемых сучьев указывал направление, по которому он бе-

жал.

Крайков приказал Гольцеву преследовать бандита, а сам склонился над мальчиком.

Иванко лежал неподвижно. Страшный удар в голову оглушил его.

Уловив слабое биение сердца в груди мальчика, Крайков освободил его от пут, поднял на руки. Вдали раздался выстрел, за ним – другой. "Гольцев бьет одиночными", – подумал Крайков и бережно опустил не приходящего в сознание мальчика в траву.

* * *

Огибая топи, Гольцев пересек ручей и выбежал к большому замшелому валуну. Выстрел! Пуля сорвала с пограничника фуражку. Это было предупреждением, что опасность близка. У бандита имелся второй пистолет. Валун служил выгодной позицией для него. Окруженный с трех сторон непроходимой трясинной, он преграждал собой единственную тропу, сооруженную еще партизанами Ковпака во время его рейда по Закарпатыю.

Быстро темнело.

"Уйдет. Где же лейтенант?" – думал Гольцев, лежа за высокой кочкой.

Пограничник стал осторожно подползать к валуну. Выстрел! Пуля ушла в кочку рядом с головой. Нужно хитрить.

Гольцев навесил на кочку изодранную пулей фуражку и пополз дальше. Очередной выстрел – фуражку словно ветром сдуло.

Забирая резко влево, пограничник обогнул валун и попал на край топи. Дальше ползти было опасно. Вода хлюпала и выдавала движение. Гольцев положил палец на спусковой крючок автомата, придерживая его раненой рукой, и встал. Он сразу увидел врага. Гонта лежал с левой стороны валуна, широко разбросав ноги, и смотрел в противоположную сторону.

"Нужно живьем", – подумал Гольцев и шагнул вперед. Вода предательски плеснула под ногой. Гонта вздрогнул, обернулся и встретился взглядом с пограничником, в замешательстве вскочил и бросился в заросли осоки.

– Сдавайся! – сказал Гольцев, целясь в ноги.

Гонта обернулся, в глазах его вспыхнула злоба.

– Сейчас... – прохрипел он и взмахнул правой рукой.

Гольцев успел выстрелить и упасть в топь. Метнулось короткое пламя. Осколки гранаты с шипением впились в набухшие влагой кочки.

Вынырнув из трясины, пограничник снова провалился в нее по пояс. Гонта уходил по тропе. Гольцев нашупал в тине автомат, вскинул к плечу и нажал на спуск. Раздалось глухое чавканье. Откуда-то сбоку прогремел выстрел, затем – второй.

Словно поскользнувшись, Гонта рухнул лицом вперед на

тропу.

Из-за валуна показался Крайков.

* * *

След гонтовской овчарки уводил в горы. Прончихин приказал Шикунову передать в штаб отряда направление поиска и, тяжело ступая, посвечивая себе фонариком, прошел немного вперед по склону горы. Дальше скалы обрывались под прямым углом.

Собака Гонты выбирала короткий прямой путь.

"Натаскали пса, хоть в альпинисты записывай", – зло подумал сержант и стал разуваться. Он по опыту знал: босая нога не скользит на гладких покатых камнях.

Подошедший Шикунов передал приказ Хайдарова идти по следу и сообщил, что им в помощь выслана поисковая группа.

Прончихин подумал, что группа догонит его с Шикуновым не раньше, чем через три часа. А что случится за это время, не мог знать ни он, сержант Прончихин, ни майор Хайдаров.

Там, где оборвется след, станет на пути бункер с часовым, затаившимся в темноте ночи. Он услышит шаги и поднимет тревогу. И тогда – бой. Сколько их там, грязных, заросших фанатиков-эсбистов, люто ненавидевших все советское? Прончихин нащупал в подсумке две гранаты, вспом-

нил, что у Шикунова только одна, и, вздохнув, пожалел, что не взял в отряде больше. В ночном близком бою без гранат худо. Сколько раз за войну в поисках "языка" забрасывал он лимонками немецкие блиндажи и землянки. Сержант осветил скалы и увидел почти отвесную стену.

– Шикунов, след!

Альта взяла влево и рванулась вперед, словно учуяла что-то близко, за выступом гребня.

Шикунов погладил собаку, успокаивая.

– Теперь тихо, – едва слышно приказал Прончихин, – обуйся...

Они ползли в кромешной тьме, рискуя сорваться вниз, прислушиваясь к звукам ночи. Каждые две минуты Шикунов легонько хлопал себя по голенищу сапога и ждал ответного сигнала. Прончихин решил держать дистанцию, чтобы в случае внезапного нападения прикрыть товарища огнем.

Внезапно Альта остановилась, шерсть у нее поднялась. Шикунов успокоил собаку и трижды хлопнул по голенищу. Прончихин тотчас подполз к проводнику.

– Альта чует чужого, – шепотом доложил Шикунов.

– Должно быть, пост на гребне, – сделал предположение Прончихин, – днем вся долина просматривается, ночью подступы тяжелые. Высокое гнездо свили "совы".

Сержант нащупал ракетницу. Ждать было бессмысленно. Их могли обнаружить в любую секунду. И Прончихин принял решение: идти вперед до первого оклика. Ракета разде-

нет гору. И тогда – гранаты. Он рассчитывал на то, что эсбисты покинут бункер, рассчитывал на внезапность.

Сержант представил себе гряды камней, тянущуюся поперек склона: он видел памятью там, за грядой, покатые спины скал, поросшие хилым буком, затаившуюся осыпь на крутом откосе горы. Он помнил эту местность по прошлогоднему прочесыванию. Но тогда они с Хайдаровым ничего не обнаружили, кроме старого немецкого наблюдательного пункта.

"Камень – не земля, щуп не возьмет, – подумал Прончихин. – Вот и зарылись в скалы. Скорей всего бункер сделали немцы, когда пытались зацепиться за горы в сорок четвертом".

Сержант разъяснил Шикуну план нападения на бункер. После оклика проводник бросает Альту вперед и выходит на гребень. К этому времени Прончихин высветит местность ракетой и вступит на гряду левее и выше. Важно успеть обнаружить вход в бункер и забросать его гранатами.

Шикун осторожно полз вперед, сдерживая Альту. И вдруг, когда до гряды осталось несколько метров, проводник услышал откуда-то сбоку негромкое "Вер ист?"

– Фас! – не раздумывая, приказал пограничник и прижался к скале.

Тишину ночи разорвала автоматная очередь. Пули высекали искристую цепочку над головой Шикуну.

Гору залил белый призрачный свет ракеты, и проводник

увидел Альту, повисшую на поднявшемся в рост человеке в ватнике. Шикунов взбежал на гряду, но близкий взрыв бросил его обратно на камни. Заныла левая нога. Зажав в руке гранату, проводник пополз к краю гряды, забирая правее, где начинался обрыв.

Прончихин не слышал оклика и, когда ударил вражеский автомат, рванулся с земли и успел пересечь гряды камней. Затаившись за выступом, он пустил ракету. В ее белом, мертвенном свете заметил, как внизу, метрах в пятнадцати от того места, где он стоял, бесшумно отошла в сторону скала и из темного зева горы по гребню ударила струя огня.

"Немецкий крупнокалиберный пулемет", – определил сержант.

И еще он понял, что скала открыла не вход в bunker, а амбразуру.

Прончихин прижался лбом к теплому гладкому камню, ожидая, пока погаснет ракета. Потом высунулся из-за выступа и метнул одну за другой две гранаты туда, где бушевал рыжий огонь вражеского пулемета.

Внизу тяжело грохнули два взрыва. Потом наступила тишина. И в этой тишине сержант услышал три коротких хлопка.

Приблизившись к тому месту, где лежал проводник, Прончихин заметил сгорбленную фигуру неизвестного, прижавшегося к скале, и Альту, готовую по первому приказу рвануться на бандита. Шикунов лежал в расщелине, не вы-

пуская из рук автомата.

– Нога, – хрипло прошептал он, – не слушается совсем...

– Рация цела?

– Цела.

– Обыскивал?

Прончихин кивнул на задержанного.

– Да. Вот автомат. Немецкий... "шмайсер".

– Давай ногу.

Сержант слышал, как заскрипел зубами Шикунов, когда он стаскивал с него сапог, который был полон крови. Осколок прошел голенище и, перебив кость, застрял в ткани икры.

Прончихин забинтовал ногу, дал глотнуть проводнику водки из фляжки, которую всегда носил с собой, негромко сказал:

– Ты разворачивай рацию потихоньку, а я его допрошу.

Только на миг зажег фонарик сержант, но успел разглядеть мрачное, заросшее бородой лицо бандита.

– Сколько людей в бункере? – тихо, почти шепотом спросил Прончихин и направил автомат в грудь задержанного.

– Одиннадцать...

– Собака-связник пришла?

Задержанный кивнул.

– Где выход из бункера?

Бандит молчал. Прончихин снова на мгновение включил фонарик и повел автоматом.

– Начальству доложишь – при попытке к бегству? – усмехнулся эсбист.

– Не скажешь, так и доложу, – пообещал сержант. – Где выход?

– Подземный ход выводит к ручью.

– В каком месте?

– У "Трех монахов"...

– А теперь руки вперед, – приказал Прончихин и ловко перехватил обе кисти задержанного бечевкой, потом связал бандиту ноги и вернулся к Шикуну:

– Передашь в штаб все, что слышал. Смотри за этой "птицей" в оба. Он нужен живым... У тебя осталась граната. Дай ее мне и "шмайсер" тоже.

Шикун отдал Прончихину гранату и трофейный автомат и вдруг, притянув к себе товарища, горячо прошептал:

– Не ходи, сержант. Дождемся Хайдарова. Заблокируем участок. Им все равно никуда не деться...

Прончихин присел рядом с проводником, обнял его за плечи.

– У них может быть запасной бункер. Чтобы сбить след, они пойдут по ручью. Вот только куда: вверх или вниз? Скорее всего, вниз. Я возьму Альту... А ты смотри за грядой.

Прончихин резко поднялся, взял собаку на поводок и растворился в темноте.

Прончихин понимал, что поступает рискованно. Но как старый разведчик он по опыту знал, что растерянного про-

тивника легче перехитрить.

Если засада у ручья удастся, банду можно рассеять, и тогда она не страшна. Пограничники возьмут ее "малой кровью".

Пробираясь на ощупь среди нагромождения скал, усталый, с израненными об острые изломы камней ступнями ног, Прончихин представлял себе опасность задуманного, но он знал и другое: Родина поставила его на границу оберегать жизнь и счастье миллионов людей. Банда Гонты – это стая бешеных псов. Столько крови пролила она на закарпатской земле, что упустить ее сейчас, дать ей возможность раствориться в лесах приграничья, а может быть, уйти дальше, в глухомань черных лесов, чтобы творить свое кровавое дело, было бы преступлением!

Мглиста ночь в Карпатах. Туман сползает вниз с гор и белесым занавесом укрывает долины с быстрыми реками, едва приметные тропки пастухов и лесорубов. И в этой кромешной тьме Альта была глазами Прончихина.

В отряде Альта считалась лучшей розыскной собакой. Природа наградила ее отменным нюхом и отвагой. Небольшая, ловкая и выносливая, она имела на своем счету не одно задержание.

Три шпилеобразных скалы смутно угадывались в поредевшей мгле, когда Прончихин услышал шум ручья. Он надеялся, что здесь Альта возьмет след. Сержант обмыл в ручье кровотокающие ноги, обулся и тронул овчарку.

– След... след, Альта.

Собака виновато виляла хвостом и вертелась на одном месте.

Прончихин двинулся вниз по ручью. В том, что бандиты покинули бункер, сомнений у следопыта не было. Они не знали, что пограничников только двое. Остаться в открытом логове было не только опасно, но и безрассудно. Тем более что возможность уйти замаскированным ходом существовала.

Так рассуждал Прончихин, продолжая осторожно шагать вдоль полноводного ручья, часто пересекая его вброд, чтобы не оставить без внимания противоположный берег.

Шум потока заглушал шаги. Туман редел, ночь медленно отступала, растворяясь в тихом, пока еще робком свете, падающем сверху из бездонного синего бочага неба.

Наконец Альта взяла след. Прончихину хотелось посмотреть, какой он давности, но для этого нужно было зажечь фонарик, и он решил не делать этого, чтобы не обнаружить себя раньше времени.

След уводил в распадок, глухой, заросший буком и елью овраг.

Опасаясь засады, Прончихин теперь полз, всматриваясь и вслушиваясь, подолгу замирая на месте. Боевики могли оставить заслон из одного-двух человек. И еще собака Гонты, четвероногий связник.

Прончихин надломил куст, ножом начертил на земле

стрелу, указывающую направление, и двинулся дальше, отпустив Альту вперед на весь поводок.

Усталость двухдневного поиска навалилась на сержанта, едва он припал к травяному покрову распадка. Неодолимо захотелось уткнуться головой в пахучий зеленый ковер и забыться сном.

Прончихин замотал головой, стукнул себя ребром ладони по скуле, потер виски.

Влажные валуны то и дело преграждали путь. След уводил в заросли гигантских папоротников. Рассветные лучи словно забыли это место. Тьма и сырость окутывали распадок. Звуки в нем гасли, едва родившись. И все же сержант различил металлический стук, прилетевший из чащи. Похоже было, что щелкнули затвором винтовки.

Прончихин замер. Звук повторился, неподалеку зашуршал орешник, треснула сухая ветка под чьей-то ногой.

"Ага, а вот и караул ставят. Неужели решились на привал? – подумал сержант. – Раненько устали, гады".

Он поднялся по склону оврага как можно выше, скрываемый зарослями орешника, встал и осторожно зашагал параллельно дну оврага вперед, обходя караул слева. Альта не выказывала беспокойства, и это приободрило Прончихина.

Зайти банде в тыл – этот план родился у сержанта сразу, как только он понял, что боевики Гонты сделали привал.

Прончихин торопился, шел в рост, держа автомат наизготовку. Он уже различал силуэты деревьев, покатые спины

огромных валунов; тусклый свет наступающего утра боролся с ночной тьмой.

Ноги скользили по мокрой траве. Тогда сержант пошел медленней, ставя ступню немного внутрь и на ребро. Он слышал там, внизу, шорохи мокрых одежд, приглушенный лязг оружия, даже голоса людей – придушенный ропот, словно распадок разделили ватным пологом.

Прончихин шел к самому узкому месту оврага, туда, где начинались шпильки скал и распадок переходил в ущелье. Место это называлось горлом.

За ущельем на десятки километров протянулись Черные леса, и, как догадывался следопыт, туда спешили бандиты Гонты.

Сержант лег между двух источенных водой и ветром гранитных скал, достал из-за спины трофейный "шмайсер" с полным диском, гранату, нож и спрятал все это в нишу под камнем, справа от себя. Потом отцепил от пояса запасной диск для своего автомата и положил его под локоть правой руки.

– Ну, вот мы и готовы, – сказал он Альте, распластавшейся рядом на бугристой колючей поверхности камня. Прончихин вскользь подумал о Хайдарове и его группе. Вероятней всего, она еще только подходила к гребню, где он оставил Шикунова. Хайдаров, конечно, услышит выстрелы и поспежит, вот только успеет ли. Он представил себе, как товарищи по отряду пробираются лесом, переходят ручей, ны-

ряют с головой в папоротниковые заросли, как поднимаются по склону, где каждый седьмой куст орешника заломлен им, сержантом Прончихиным; представил и в который раз пожалел, что не взял в отряде две-три лишние гранаты. Не так уж они и тяжелы, если подсумок передвинуть по ремню подальше к спине. А теперь только одна граната, три полных диска, нож и Альта. Это тоже немало для короткого боя. Главное – не дать себя ранить. Тогда он продержится полчаса и, может быть, Хайдаров успеет.

Прончихин устроился поудобней, прижал ствол автомата к скале и впился глазами в тропу, выползающую из распадка тонкой каменистой лентой, темной от росы.

Первой на тропу выбежала огромная овчарка. Альта глухо зарычала, шерсть на загривке у нее поднялась, и вся она вздрагивала от предвкушения короткой знакомой команды.

Но Прончихин молчал и только погладил собаку между глаз, что означало не шевелиться.

Вслед за овчаркой один за другим вышли десять человек в пятнистых немецких комбинезонах. Они шли с интервалом метра в четыре, последний нес на плече ручной пулемет.

Прончихин поймал в прорезь прицела бандита с пулеметом, немного выждал и нажал на спуск.

Он выпустил по бандитам весь диск, увидел, как они метнулись под прикрытия скал и редких деревьев, но трое так и остались лежать на узкой каменистой ленте. И среди них эсбист с пулеметом. Затрещали автоматы, рои пуль звенели,

впиваясь в скалы, прикрывавшие Прончихина, а он уже отползал дальше, волоча за собой "шмайсер". Альта ползла рядом.

Кто-то метнул из-за дерева гранату, и она разорвалась перед старой позицией сержанта, в двух скалах.

"Они догадались, что я один", – подумал следопыт, наблюдая из-за груды камней за идущими в рост бандитами.

Грохнули еще два взрыва. Взметнулись в воздух осколки гранат там, где еще пять минут назад лежал Прончихин с Альтой.

Сержант не стрелял. И только когда все семеро взбежали по склону к двум скалам, ударил длинной очередью из "шмайсера" прямо в упор. Бандиты отхлынули. Двое остались лежать на склоне.

Торопливо забил ручной пулемет, отрезая Прончихину путь наверх, где можно было укрыться за валунами. "Будут обходить", – мелькнула мысль. Пули с железным шорохом буравили землю над самой головой. Прижатый огнем к каменной ложбине, Прончихин думал о последнем своем бое в самом конце войны. Пал Берлин, а в Бреслау шло ожесточенное сражение. Отборные эсэсовские части обороняли каждый дом. Не было обидней смерти на войне, чем та, которая настигла наших солдат в Бреслау. Ведь они знали, что подписана капитуляция и на всем огромном протяжении фронта празднуется Победа.

Но вот пал и этот город. Остался последний дом на окра-

ине – шестиэтажная крепость, оцетинившаяся пулеметами, стволами противотанковых орудий, укрытых в многочисленных подвалах. И тогда вперед пошли те, у кого на земле не осталось родных, те, кого никто не ждал. Пошли сами, добровольно, и комбат не мог им отказать в этом подвиге.

Артиллерия превратила дом в развалины, но и после этого фашисты, засевшие в подвалах, встретили штурмовую группу ураганным огнем. Прончихина тяжело ранило. Поднятый на носилки санитарями, теряя сознание, он думал тогда, что пережил последний бой в своей жизни.

...Синеватые, цвета снятого молока, предрассветные сумерки таяли в лучах пока еще невидимого солнца. Свет его процеживался сквозь хвою близких деревьев, как сквозь решето.

И вдруг среди камней серой молнией сверкнула огромная овчарка. Она вырвалась откуда-то сбоку и уже готовилась к прыжку, когда ей наперерез бросилась Альта.

Пулемет замолк. И в наступившей тишине Прончихин услышал, как щелкнули клыки, зарычала Альта, и собаки, свившись в один живой клубок, покатались по склону.

Совсем близко под чьей-то ногой сорвался камень. Прончихин выхватил гранату, выдернул предохранительную чеку и приподнялся над грядой. Он успел увидеть совсем близко ползущего человека в пятнистом комбинезоне и бросить гранату. Внезапная слабость опрокинула его навзничь. Ему показалось, что его ударили в грудь, под сердце. И только

потом до сознания дошел захлебывающийся лай пулемета.

Он лежал на спине и видел далекие облака и свое детство с шершавыми ладонями матери. Видел отца, огромного добродушного крестьянина с веселым загорелым лицом. И реку своего детства увидел Прончихин в эту свою минуту. И на душе его было такое чувство, словно теплое течение несет куда-то к золотым песчаным плесам, и нет у реки берегов, а есть только синее-синее небо и солнце, огромное, близкое, как дыхание.

* * *

В канцелярии горел свет. На крыльце Крайков еще раз одернул шинель, поправил фуражку и тогда открыл дверь.

Майор сидел за столом, склонив седую голову набок, и что-то быстро писал.

– Садись, лейтенант, – глуховатым, негромким голосом проговорил он, не поднимая головы.

Крайков смотрел на майора. Худое, словно высушенное на ветру, лицо начальника участка было сумрачно.

"Переживает за Прончихина", – подумал Крайков. Прошло уже три дня, как сержанта отвезли в госпиталь. И все эти дни Прончихин не приходил в сознание. Пуля прошла возле самого сердца навывлет.

Остатки банды группа Хайдарова настигла у выхода из ущелья. Бандиты отстреливались до последнего патрона и

были уничтожены. Плененный Шикуновым эсбист показал запасной бункер в лесу, а также тайный склад боеприпасов.

Крайков смотрел на Хайдарова и думал о своем отце. Они были чем-то похожи – суровые, немногословные люди долга, нелегкой судьбы и великой преданности делу, за которое пали многие герои на полях гражданской и Великой Отечественной войн.

Майор оторвался от бумаг.

– Посиди немного. Я вызвал "газик". Поедем к Федору...
Врачи звонили – пришел в сознание.